

Куда плыли «Марсельские матросы» в 1917 году?

© 2021, А.С. Пахомова

Тартуский университет, Эстония

Аннотация: В статье рассматривается литературное объединение «Марсельские матросы» в контексте творчества и литературной репутации его наиболее заметного участника — М.А. Кузмина. Делаются наблюдения, уточняющие отношение Кузмина к литературным группам и состояние его литературной репутации на 1917 г. Хотя Кузмин был известен как противник писательских союзов, на деле он признавал их необходимость, однако понимал формат и прагматику таких объединений своеобразно: не отвергая техническую общность приемов внутри группы, поэт отрицательно относился к сходству идей и иерархической структуре. Идеальной основой литературного союза Кузмин считал дружеские, интимные отношения. Однако организационным принципом кружка «Марсельских матросов» стала ориентация на творчество Кузмина и признание его авторитета, что было вызвано в том числе и тем, что группа должна была поддержать литературную репутацию писателя, переживающую кризис в 1917 г. Название и замысел группы вписываются в динамику творчества Кузмина в революционный год: морская символика в произведениях этого времени выражает стихийную, несущую разлад силу войны, противостоять которой могут братские узы. «Марсельские матросы» оказываются также жизнотворческим проектом, претворяющим в жизнь мечты Кузмина о подлинном литературном братстве.

Ключевые слова: М.А. Кузмин; «марсельские матросы»; литературные объединения; литературная репутация; М.М. Бамдас; Ю.Е. Деген.

Информация об авторе: Александра Сергеевна Пахомова, докторант Тартуского университета, Юликооли 18, 50090 Тарту, Эстония. ORCID: 0000-0002-2145-754X. E-mail: aleks.pakhomova@gmail.com.

Для цитирования: Пахомова А.С. Куда плыли «Марсельские матросы» в 1917 году? // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 181–199. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-181-199>

Отношение Михаила Кузмина к литературным группам и его положение в литературном процессе начала XX века — одна из отправных точек большинства кузминоведческих исследований. Автор, живший в эпоху расцвета всевозможных литературных союзов, демонстративно дистанцировался от большинства из них, что делало его позицию, наряду с прочими факторами, в некотором роде уникальной. Попытки объяснить такое положение дел привели к тому, что первые исследователи подчеркивали факт принципиального неучастия писателя в литературных союзах. Со временем это отношение уточнилось, и Н.А. Богомолов справедливо заметил, что скепсис Кузмина распространялся только на те писательские объединения, которые «желали диктовать своим членам какие-либо принципы, ограничивающие творческую индивидуальность <...> тогда как группы иного типа, основанные на свободном дружески-любовном общении их членов, были для него привлекательны на протяжении почти всей жизни в литературе» [3, с. 116]. Это допущение позволяло объяснить, почему автор, негативно отзывавшийся в своей критике о символистах и — особенно — акмеистах, в разные годы не избегал участия в целом ряде предприятий: ивановских «Вечерах Гафиза» (1906–1907) [3, с. 67–98], Обществе ревнителей художественного слова (нач. 1910-х), «Цехе поэтов» (1911–1912), и, наконец, в начале 1920-х создал собственную группу эмоционалистов. После революции 1917 г. Кузмин принял и более официальные формы кооперации, уже в первые пореволюционные месяцы присоединившись к петроградскому Союзу деятелей искусств, а в начале 1920-х став деятельным участником Петроградского отделения Всероссийского Союза поэтов. Кроме того, в 1917 г. Кузмин вступил в группу, которой не суждено было стать сколь-либо заметным участником литературного поля, что, однако, вовсе не исключает ее значимости для исследователей жизни и творчества автора.

Немногочисленная фактическая информация о группе «Марсельские матросы» хорошо известна, суммирована в работе Т.Л. Никольской [18] и воспроизведена в словаре М. Шрубы [22, с. 114–115]. В силу краткости существования и небольшого числа сохранившихся текстов «марсельские матросы» остались в истории литературы в основном как малозначительное и не слишком своевременное предприятие Кузмина. Однако и в контексте творчества и литературной позиции писателя союзу не уделялось достаточного внимания: в авторитетной биографии факт существования «матросов» и вовсе попал только в примечание [5, с. 376]. Между тем, участие в кружке представляет интерес не только как еще один пример отношения

Кузмина к литературным объединениям, позволяющий уточнить его позицию, но и как штрих к малоизученной творческой биографии автора в революционный год.

Существование группы было недолгим: с апреля¹ по начало осени 1917 г. Основателем объединения был, по его собственным словам, молодой поэт Ю.Е. Деген². В число «матросов» входили также М.М. Бамдас, с середины 1910-х гг. бывший частым посетителем Кузмина (который посвятил Бамдасу рассказ «Слава в плюшевой рамке», вошедший в сборник «Антракт в овраге» (1916)) и другом Юрия Юркуна, Л. В. Берман (1894–1980)³, В.В. Курдюмов (1892–1956), Б.Е. Рапгоф (писавший под псевдонимом Евгеньев, 1892–1941/42) и, вероятно, сам Ю.И. Юркун (1895–1938). Можно заметить, что это писатели одного поколения и очень схожей творческой судьбы: до революции многие успели выпустить одну-две книги, почти не замеченные публикой. К 1917 г. эти молодые авторы, обладая уже некоторым опытом, были готовы войти в литературу с новыми силами и искали лидера, вокруг которого они могли бы сплотиться. Им стал Кузмин, получив у «матросов», распределивших между собой морские звания, титул «капитана».

Изучение деятельности группы осложняет тот факт, что дневниковых записей Кузмина за это время не сохранилось. Одним из источников сведений о «матросах» становятся их издательские планы. Группа собиралась выпускать свой альманах при участии Г. Адамовича, М. Бамдаса, Л. Бермана, Ю. Дегена, Г. Иванова, Р. Иванова, М. Кузмина и др.⁴, несколько отдельных книг Бамдаса, Дегена,

¹ См.: «В апреле 1917 г. мною было основано в Петрограде худ.<ожественное> общест<во> “Марсельских матросов”, “капитаном” которого был М. Кузмин» [8, с. 3]. Осенью 1917 г. Деген уехал в Тифлис.

² О нем см.: [16; 18; 19].

³ О беседах с Берманом Т. Л. Никольская вспоминала так: «У этого поэта я бывала в гостях уже в конце 70-х годов и расспрашивала о “Марсельских матросах”. О том, что такая группа существовала, он помнит. Сказал мне, что был штурманом у “Марсельских матросов”. Но когда я попросила, чтобы он подробно сказал, о чем они говорили, чем они занимались, он сказал, что помнит только, что они собирались на квартире у поэта Моисея Бандаса <sic!>, который жил на Марсовом поле. И когда они читали друг другу стихи или беседовали, за стеной плакал маленький ребенок Бандаса, который им мешал» (Из истории поэтического авангарда. Юрий Деген // Радио Свобода. 14 дек. 2003. <https://www.svoboda.org/a/24200211.html>. Дата обращения: 06.06.2020).

⁴ Наши предшественники использовали план альманаха как подтверждение участия всех упомянутых лиц в группе [18, с. 101; 22, с. 114]. Нам представляется, что к заявленному составу нужно подходить с осторожностью, помня о характерной для начала XX века практике литературного альманаха, которому было свойственно как объединение писателей подчеркнута несходных творческих устремлений (как выходившие на протяжении 1900–1910-х гг. «Альманахи издательства “Шиповник”»), так и ситуативное сближение на фоне какого-либо значимого

Кузмина и серию «Маленькая библиотека поэзии и графики». Свет увидели в итоге лишь два сборника стихотворений М. Бамдаса: «Предрассветный ветер» (1917) и «Голубь» (1918) — оба вышли под грифом «К-во “Марсельских матросов”».

Из наблюдений над временем создания и составом группы можно сделать вывод, что «матросы» были довольно типичным для своего времени предприятием. В середине 1910-х гг. кооперация молодых писателей вокруг известного автора (преимущественно снискавшего славу на рубеже веков или в самом начале 1900-х) была очень продуктивна и отражала общее состояние литературного поля в эпоху постсимволизма: поиск новых творческих ориентиров сочетался с показательной преемственностью начинающих авторов — известным. Подобные собрания проходили у З.Н. Гиппиус, Ф. Сологуба и многих других, причем и воскресенья Сологуба, и салон Гиппиус не имели определенной литературной платформы и были скорее площадками для неиерархичного общения. Другим полюсом притяжения в эти годы был продвигаемый Н.С. Гумилевым «цеховой» принцип, основанный, напротив, на иерархии и модели научения.

Кузмин мог казаться достаточно авторитетной фигурой — к 1917 г. его статус как «одного из самых больших поэтов наших дней»⁵ закрепился отмеченным в 1916 г. десятилетием литературной деятельности, что связывало его в сознании молодых поэтов с эпохой расцвета русского модернизма. Организация «Марсельских матросов» оказывается на пересечении самых разных тенденций: усвоения молодыми поэтами модернистского наследия и оживления кружковой жизни в Петрограде во второй половине 1910-х гг. Кроме того, зимой 1916 — весной 1917 гг. Кузмин, как и некоторые другие «матросы» (Деген, Берман), посещал собрания второго Цеха поэтов. Представляется, что это событие и стимулировало создание группы: в число «матросов» вошли некоторые бывшие участники гумилевского предприятия, объединившиеся вокруг Кузмина на основаниях, противоположных «цеховой» программе.

Эти основания можно реконструировать из предисловия Кузмина к книге Бамдаса «Предрассветный ветер». В нем Кузмин, как и в двух других своих предисловиях (к сборнику А. Ахматовой

события (сборник «Вечер “Триремы”. Лазарету деятелей искусств» (Петроград, 1916)). Альманах «Матросов» типичен для своего времени. В настоящей работе мы обратимся к несомненным участникам группы — тому, чьи стихи вышли под маркой одноименного издательства (Бамдас), и кто оставил свидетельства о своем участии в ней (Деген).

⁵ *Жирмунский В. М.* Преодолевшие символизм // Русская мысль. 1916. Кн. 12. Отд. II. С. 25–56.

«Вечер» (1912) и роману Юр. Юркуна «Шведские перчатки» (1914)), подчеркивал уникальность творчества молодого автора. Однако если произведения Ахматовой наследовали в глазах Кузмина богатой литературной традиции, то лирика Бамдаса подавалась как полностью лишенная «литературности»⁶, то есть ориентации на существующую поэзию: «...книга его литературна лишь настолько, чтобы ее можно было назвать книгой. Почти *minimum*» [11, с. 487]. Кузмин выводит творчество Бамдаса за границы литературы, отмечая доминирование в нем не традиции, а неповторимого голоса («тон, скорее даже человека, чем поэта»). За такой позицией стоит определенная ценностная система: Кузмин провозглашает, что «традиция» (под которой в этом случае уместно понимать поэтические приемы, технику, влияния) для подлинного творчества значит меньше, чем уникальный взгляд поэта на жизнь. Демонстративный отказ Бамдасу в наследовании чьей бы то ни было поэтики играет и прагматическую роль: юный стихотворец выводится из-под любого влияния (прежде всего влияния самого Кузмина), представая самобытным дарованием. На это намекает и одна из финальных фраз кузминского предисловия: «Может быть, г-ну Бамдасу надоест писать песни и он займется торговлей, путешествиями — кто знает?» [11, с. 487]. Отождествляя молодого поэта со стихийным, органичным гением Артюром Рембо, сам Кузмин принимает на себя роль Верлена⁷ — авторитета, но не образца и не учителя⁸. Особенно выразительно то, что Кузмин подчеркивает «еврейскость» лирики Бамдаса, то есть выделяет ту ее сторону, которая точно не была свойственна его собственному творчеству. Представляется, что в этом случае мы имеем дело не просто с речательством за юного поэта, но с выражением неких важных для Кузмина творческих и организационных принципов.

Размышления о природе литературных групп появляются в критических статьях Кузмин в первой половине 1910-х гг., — период

⁶ Фрагмент предисловия с идеей о разделении «литературности» и «талантливости» следует популярной идее критики начала XX в. См., например, в рецензии Гумилева на сборник Сологуба «Пламенный круг»: «Стих его, мягкий и певучий, лишен и медной звонкости брюсовского стиха, и неожиданных поворотов блоковского. Но зато он и менее подвергся влиянию старых мастеров, в нем при той же пленительности чувствуется меньше литературности» (Письмо III. 1908 [7, с. 78]).

⁷ Это отметила в своей рецензии и Л. Рейснер, характеризуя предисловие Кузмина: «В таких выражениях Верлен мог написать о фантастическом “любительстве” своего друга Rimbeau» (*Рейснер Л.* [Рец. на:] М. Бамдас. Предвечерний ветер. Предисловие М. Кузьмина. К-во «Марсельских матросов» // *Летопись.* 1917. № 7–8. С. 319).

⁸ Переноса в пореволюционное время жизненную ситуацию двух поэтов, Кузмин отчасти оказался прав в своих предположениях: последняя тоненькая книжка лирики Бамдаса вышла в 1924 г., после чего он вел «непоэтическую» жизнь технического переводчика, сочиняя стихи на досуге. О судьбе Бамдаса см.: [4].

преимущественно «группового» существования литературы. Из немногочисленных фрагментов можно реконструировать отношение Кузмина к литературным «школам»⁹. Вопреки распространенному мнению, вопросы личных отношений в группе для писателя были важны, но не как простое противопоставление иерархичной и жесткой организации — дружеской атмосфере. Более существенным для Кузмина было разграничение школы как места научения формальным приемам («технике») — и школы как способа формирования общего отношения к искусству и творчеству. Схожесть формальных приемов в рамках школы Кузмин скорее приветствовал (отмечая, например, «заслуги акмеизма и футуризма (освобождение слова)» («Как я читал доклад в “Бродячей собаке”», 1914 [11, с. 390])), хотя и напоминал, что она не может быть достаточной для подлинного искусства (отмечая «преходящесть произведений, построенных на одной минутной новизне приемов» [11, с. 390]). Идеологические основания литературных групп и школ Кузмин решительно отвергал: «Результаты всяких школ должны быть техническими; неудобство, почти невозможность идеалистических оснований литературных школ» [11, с. 390].

Позиция Кузмина проясняется на фоне отношения к литературным школам Гумилева, для которого «школьный» принцип был определяющим для писателя. Отзываясь о новых книгах на протяжении многих лет, Гумилев старательно подмечал, является ли рецензируемый писатель основателем или последователем «школы»: «Мечтающий о мифе Сергей Городецкий понял, что ему необходима иная школа, более суровая и плодотворная, и обратился к акмеизму» (Письмо ХХ, 1912 [7, с. 160]) и др.; ему также было свойственно представление истории литературы как смены школ (см., например, в неопубликованной лекции <<О французской поэзии>> (<1919>)). По словам Кузмина, Гумилев «находил школы необходимыми, как ярлыки и паспорта, без которого, по уверению оппонента, человек только наполовину человек и нисколько не гражданин» [11, с. 391]. С мнением о *необходимости* школ Кузмин не мог согласиться: по его представлениям, писатель мог войти в литературу с помощью какой-либо группы или школы, но никогда — если он настоящий

⁹ Кузмин употребляет слово «школа» в расширительном значении, называя так объединения, основанные не только на технических приемах, но и имеющие общую концепцию искусства («...почтенные и явно литературные школы, как символизм, футуризм и, пожалуй, имажинизм» («Парнасские заросли», 1923 [11, с. 404]) — то, что современные исследователи скорее бы назвали «направлением» (такое словоупотребление было распространено в начале ХХ в. — см. его частотность в критическом словаре Н.С. Гумилева).

писатель, а не эпигон — не мог на этом остановиться: «Школа всегда итог, вывод из произведений одинаково видевшего поколения, но никогда не предпосылка к творчеству, потому смею уверить футуристов и особенно акмеистов, что заботы о теоризации и программные выступления могут оказать услугу чему угодно, но не искусству, не творчеству» («Раздумья и недоуменья Петра Отшельника», 1914 [11, с. 361]).

Эта идея станет одной из центральных в кузминской концепции искусства, перейдя с минимальными изменениями в его критику 1920-х гг., когда, отмечая дарование Анны Радловой, он несколько раз подчеркнет независимость ее дара от «групповых выступлений»: «Выступление ее резко отличается от гуртовых появлений партийных школ и студий, где сила — в количестве и преданности мэтру и школьной дисциплине. “Корабли” — не результат формальной выучки и не собрание упражнений. <...> а подлинные безумные, крылатые годы, в вещих глазах взволнованного и глубоко чувствующего человека»¹⁰. Последние слова вскрывают ценности автора: искусство в его глазах всегда самостоятельное, уникальное упражнение, которое не должно быть стеснено никакими внешними рамками, в том числе и существующей литературной традицией. Тому свойству поэта, которое во вступлении к книге Бамдаса описательно называется «своим голосом» и противопоставляется «литературности», Кузмин впоследствии придаст более изящную форму в своей концепции «эмоционального искусства»: «Эмоциональное, свое, единственное, неповторимое восприятие, овеществленное через соответствующую форму для произведения эмоционального же действия («Эмоциональность и фактура», 1922 [11, с. 623]).

«Антишкольные» выпады Кузмина почти всегда в той или иной степени затрагивали акмеизм и «Цех поэтов»: он не мог принять нововведения, которые привнесли школы Гумилева в формы литературной кооперации, сделав своей основой не только технические приемы, но и общую концепцию искусства, а позднее выдвинув предпосылку о возможности научения и тому, и другому. Это вступало в противоречие с главной мыслью Кузмина об автономности искусства, его независимости от внешнего диктата: «Всеякие требования религиозные или нравственные, как бы правильны они ни были, не могут относиться к теории искусства, не нуждающегося, чтобы для его возвышения обуживались религия и философия <...> размышления об этом идут мимо искусства, еще более мимо поэ-

¹⁰ Кузмин М.А. Голос поэта: (Анна Радлова. «Корабли») // Жизнь искусства. 1921. № 702/705. 26–29 марта. С. 1

тических школ, и группировка по таким признакам напоминала бы группировку поэтов по покрою платья, по цвету глаз и прическам» («Письмо в редакцию», 1912 [11, с. 110]). Программа литературной группы, заходящая дальше общих формальных приемов и технических достижений, в этом фокусе становится рамкой, ограничивающей свободу и уникальность ее участников.

Отсутствие этой рамки могла обеспечить общность творческих взглядов, возможная, по мнению Кузмина, только среди близких людей. Дружеская сплоченность и равенство, возведенные в принцип, исключали процесс научения и давления авторитета, создавая плодотворную среду для развития уникального видения: «...где же и расцветать искусству, как не в атмосфере дружбы и любви?» [11, с. 361]). Жизненные связи для Кузмина всегда были тесно переплетены с творческими, и в этом проглядывает не изолированный принцип, а глубокая внутренняя основа его эстетической позиции. В программной статье «Пристрастная критика» (1924) Кузмин будет настаивать на правомерности сочетания личного и критического отношения к творцу: «Упрек: “Ему нравится тот или другой артист, так как они друзья”, — предлагаю перелицевать: “Они друзья, так как тот-то артист ему нравится”. <...> От общения с живым человеком вы можете лучше понять его искусство» [11, с. 352].

Однако из наблюдения над творчеством «матросов» можно сделать любопытный вывод. Отношение Кузмина к стихам Бамдаса не слишком соответствовало правде: «уникальный» голос юного стихотворца был во многом перенят у старшего поэта. Интерес вызывает не сам факт влияния (он был отмечен уже немногочисленными рецензентами¹¹), а то, какие именно особенности кузминской лирики использовали «матросы» в собственном творчестве.

При знакомстве с лирикой Бамдаса и Дегена становится очевидным, что они ориентируются не на поэзию Кузмина 1910-х гг., а на творчество более раннего периода. Первое стихотворение «Предрасветного ветра» Бамдаса («В переполненной маленькой комнате...») можно рассматривать как реплику кузминской лирики, вошедшей в первый сборник автора «Сети» (1908). Верлибр, разговорная интонация которого упорядочена изоморфизмом строк, основанных на перечислении, очевидно (в том числе и потому, что стихотворение следует сразу за предисловием Кузмина) отсылает к «Моим предкам» — начальному стихотворению «Сетей». Ср. у Кузмина:

¹¹ Рейснер Л. [Рец. на:] М. Бамдас. Предрасветный ветер. Предисловие М. Кузьмина. К-во «Марсельских матросов» // Летопись. 1917. № 7–8. С. 319; Большаков К. За весь сезон: Стихи за зиму 1917–1918 г. // Жизнь. 1918. № 36. С. 4.

«Моряки старинных фамилий, / влюбленные в далекие горизонты, / пьющие вино в темных портах, / обнимая веселых иностранок; / франты тридцатых годов...» [12, с. 57]; у Бамдаса: «В переполненной маленькой комнате / так странно шумят / по французски и итальянски / актеры из цирка и варьете, / клерки иностранных контор...» [2, с. 7].

Можно отметить и несколько более характерных заимствований. «Мой друг», наматывающий макароны на вилку у Бамдаса («...когда тут же, рядом, за тем же столом, / **наматывает макароны на вилку быстрым ножом** <...> / мой друг!» [2, с. 8]), ранее появился в интимных «Ночных разговорах» Кузмина (1913): «Как странно, <...> / Что твои руки / пишут, / застегивают перчатки, / **держат вилку и нелепый нож...**» [12, с. 258–259]. Выражение «мой друг» — явное подражание постоянному кузминскому именованию своего возлюбленного в стихах: «**Мой друг** уехал без прощанья, / Оставив мне картонный домик. / Милый подарок, ты — намек или предсказанье? / **Мой друг** — бездушный насмешник или нежный комик?» (из цикла «Прерванная повесть», 1906–1907 [12, с. 70]). На этом фоне наличие у Бамдаса нарочито прозаизированных кулинарных образов, соседствующих с описанием возлюбленного («**Макароны. Томат. Кофе. Сигары.** / Запах сыра всего слышней... / А рядом со мной **мой друг...**» [2, с. 7]), также представляется, поверх других традиций, заимствованием из поэтики Кузмина, а именно из девятого стихотворения «Прерванной повести» («**Вот ужин, чай, холодная котлета,** / Ленивый спор домашних — я молчу...» [12, с. 73]). Кузминский прием — детальное изображение ужина в контексте любовного переживания — оказался настолько новаторским для своего времени, что был специально отмечен несколькими критиками¹². В других стихотворениях сборника («Сквозь мышинные норы...», «Предки, певшие псалмы...») Бамдас использует анафорические начала и риторические вопросы, сочетание которых популяризировали «Александрийские песни» Кузмина (1906).

Юрий Деген также старательно перечислял в своих стихах свойства ранней кузминской лирике «мелочи» — предметы гардероба, детали внешности: «...завиток оранжевый узора, / он поймет, он поймет! — / <...> мне остались рыжие перчатки / с милых рук, с милых рук» («На обоях плоские лошадки...» [9, с. 17]). В поэме «Оттепель» (1920), помимо заглавного акростиха, посвя-

¹² Соловьев С.М. [Рец. на:] М. Кузмин. «Сети». Книгоиздательство «Скорпион». Москва. 1908 // Весы. 1908. № 6. С. 64–65; Эренбург И. М. Кузмин («Сети»). М. 1908 г., «Куранты любви». М. 1910 г.) // Голос Сибири (Иркутск). 1911. № 74. С. 2.

щенного Кузмину, можно найти и прямые заимствования, например, рифменную пару в строках «Другой какой же мудрости **не мудрой** / Нам было верить, пудрясь снежной **пудрой?**» [8, с. 8], отсылающую к первому стихотворению цикла «Обманщик обманувшийся» (1907): «Я бледность щек удвою **пудрой**, / Я тень под глазом наведу, / Но выраженья воли **мудрой** / Для жалких писем я найду» [12, с. 86].

Тот «минимум литературности», о котором пишет Кузмин в предисловии к «Предрассветному ветру», был, вне всякого сомнения, усвоен из его собственной поэтики. Этот факт странно сочетается с попыткой Кузмина затушевать, нивелировать свое влияние на лирику Бамдаса. Это обстоятельство можно объяснить двояко. Во-первых, тем компромиссным отношением к «технике», которое выказывал Кузмин: поэтические приемы могли стать основанием литературной школы, сплачивая ее последователей, однако не могли исчерпать творчество каждого ее представителя. Для Кузмина «голос еврейского мальчика» Бамдаса, как внутреннее и уникальное свойство его поэзии, был более значим, чем воплощающие его приемы.

Во-вторых, презентация «матросов» как группы, каждый член которой был внутренне независим в своем творчестве, отвечала представлениям Кузмина об идеальном литературном содружестве. Несмотря на то, что не Кузмин был создателем группы, именно принципы старшего поэта просматриваются в ее организации и репрезентации: в предисловии к книге Бамдаса и в структуре группы в целом подчеркиваются интимность, дружба и равенство. Как команда матросов не могла быть большой, так и кружок «матросов» ограничился несколькими участниками, что создавало образ тесного мужского круга, поддерживаемый намеками и дружескими шутками (позднее эта форма оживет в проекте эмоционалистов). Дружба становится одним из основных мотивов в «песенках» и стихах «матросов», как, например, в посвященном «старшему штурману» Дегену стихотворении Бамдаса: «Наша Марсельская лодка / Синее небес синевы. / **Драгоценнейшая находка — / Спутник такой, как Вы**» [1, с. 9]. Роль капитана «матросов» иронично конструируется самим Кузминым: «Всякий молод, всяк хорош. / Это — правда, а не ложь — / **Капитан один не в счет**» [13, с. 74]. Сознывая и подчеркивая свое особое положение, Кузмин в то же время давал понять, что ощущает себя таким же объектом дружеской насмешки, как и прочие «матросы». Однако нельзя не отметить, что равенство и интимность были более сконструированными, чем действительными: ориентация на лирику старшего поэта отчетливо проявлялась в стихах «матросов», а широкие издательские планы имели целью превращение личных

отношений в факт литературы. По-своему требования Кузмина были той же рамкой, приложенной к реальному творчеству, — отсутствие иерархичности, возведенное в принцип, было не менее жестким, чем организация «Цеха поэтов», и накладывало свои ограничения на творчество и репрезентацию группы и отдельных ее участников.

Таким образом, «марсельские матросы» предстают не изолированным предприятием, а органично встраиваются в многолетние попытки Кузмина создать литературную группу на основаниях, прямо проистекающих из его собственной концепции автономного неиерархичного искусства. Вовлечение в творческо-дружеские объединения было характерно для Кузмина с самого начала его писательской карьеры: вторая половина 1900-х гг. отмечена его дружескими контактами с «мирискусниками» (К.А. Сомовым, А.Н. Бенау), неоднократно переходившими в совместную творческую работу. Жизнетворческая стратегия лежала также в основе «вечеров Гафиза». Первая проба создания собственного творческо-интимного союза относится к осени 1907 г., когда Кузмин собирает вокруг себя так называемый «кружок гимназистов», эротический интерес которых (и к которым) писатель стремился преобразовать в творческое предприятие — постановку «Курантов любви» [3, с. 99–116]. «Марсельские матросы» оказываются шагом на пути от «гимназистов» с их идеей мужского полу-эротического союза, дружба в котором стимулирует творческие связи, — к эмоционалистам, более скрепленным дружескими отношениями, чем любовными.

Преимственность по отношению к предшествующим «групповым» опытам обнаруживает и прагматика создания «матросов» именно весной 1917 г. Как мы отметили выше, молодые поэты ориентировались на творчество старшего поэта 1900-х — начала 1910-х гг. Поэтику этого времени Деген считал самым значительным из достижений Кузмина: «Кузмин заговорил на таком простом языке, о таких интимных, милых и близких сердцу всякого предметах и так скромно, что слова его были приняты сразу и бесповоротно, не вызвав протестов и негодований»¹³. Такая оценка явно наследовала рецепции Кузмина 1900-х гг., когда его ранние произведения («Александрийские песни» (1906), «Крылья» (1906), «Сети» (1908) и др.) привлекли внимание критики и публики и создали определенную репутацию, основанную на нескольких константах (Кузмин-«александриец», «гомосексуал» и др.). Внимание Кузмина к «духу мелочей прелестных и воздушных» было одной из таких констант,

¹³ Деген Ю. Поэт прекрасной ясности // Кавказское слово. 1918. № 20. С. 2.

транслируемых в рецензиях на протяжении многих лет: ее можно обнаружить как в статьях известных критиков («Все принять, все полюбить без пафоса, смотреть на вещи, как на милых бессловесных братьев, вот чего хочет его сердце, усталое от гордых слов и отвлечений» [7, с. 75]), так и у рецензентов менее популярных изданий («в этом сочетании простого, несложного содержания — простодушных мыслей о жизни, элементарных правил житейской мудрости с изысканным рисунком повествования, и кроется тайная прелесть сказок Кузмина»¹⁴). К середине 1910-х гг. эта репутация образовала то, что можно назвать «каноном», некоей застывшей моделью восприятия личности и творчества Кузмина. Именно его и продуцируют молодые поэты.

«Марсельские матросы» заявляют о себе в тот момент, когда разрыв Кузмина с его предшествующим творчеством становится особенно очевидным: в своих стихотворениях он начинает активно использовать элементы авангардной поэтики [20], и его посвящения революции (прежде всего стихотворение «Русская революция», опубликованное в № 15 «Нивы» в марте 1917 г.) встречаются ехидными рецензиями в популярных еженедельных журналах. Критика высмеивала несовпадение революционного творчества автора и тех интимных, эстетских тем и образов, которые были свойственны поэту ранее. В апреле 1917 г. (когда начались собрания «матросов») в петроградском «Журнале журналов» появились первые прицельные нападки — фельетон за подписью *W*, в котором Кузмин осуждался за то, что «пачкает... нечистыми прикосновениями» слово «революция»¹⁵. В следующем номере этого же издания был опубликован фельетон Арк. Бухова, который припоминал «гомосексуальную историю Кузмина»¹⁶; а в начале лета (№ 21–22) — Д.Н. Тигера, который писал о стремительном повороте Кузмина к политике: «... огромный красный бант / К груди пришив блудливой музе, / Он славит, как влюбленный франт, / Лик “ангела в рабочей блузе”»¹⁷. Вступая в объединение в атмосфере усиливавшейся критики, Кузмин совершал противодействие, объявляя литературному миру о том, что, несмотря на восприятие его и его произведений как неприличных и устаревших, они способны объединить вокруг себя молодых поэтов, стать популярными и актуальными. В похожей обстановке

¹⁴ Гвоздев А. Литературная летопись // Северные записки. 1915. № 11–12. С. 238.

¹⁵ *W*. На новой службе // Журнал журналов. 1917. № 16. С. 13.

¹⁶ Бухов Арк. Испуганные // Журнал журналов. 1917. № 17. С. 7.

¹⁷ Доль [Тигер Д. Н.] Самоопределившиеся. (История новейших метаморфоз) // Журнал журналов. 1917. № 20–21. С. 13.

десятью годами ранее Кузмин организовал «кружок гимназистов»: он был создан осенью 1907 г., а несколькими месяцами ранее на писателя обрушилась яростная критика за публикацию романа «Крылья». Двукратное повторение сходной ситуации показывает, что Кузмин осознавал репутационный вес, придаваемый ему наличием кружка молодых последователей, и вовлекался в литературные объединения для подновления своей репутации. В период, когда он сам осваивает новые темы и поэтику, он не противится организации кружка вокруг его творчества более раннего периода, понимая, что усвоение молодыми поэтами известных приемов позволит ему выглядеть авторитетно в глазах критиков, осуждавших именно эти приемы. Символически обозначив свое место в литературе, создав школу, писатель мог двигаться дальше, развивать иные манеры и творческие методы, что он и делает в 1917 г., — в то время, как его репутация, продуцируемая молодыми поэтами, работает на упрочение существующего статуса.

Влияние Кузмина на литературную молодежь, однако, было велико и до начала 1917 г. — достаточно вспомнить племянника поэта С.А. Ауслендера, а также Г.В. Иванова, А.Э. Беленсона, В.В. Курдюмова и др. Тем не менее попыток создать собственную группу в период расцвета своей славы, на рубеже 1900–1910-х гг., Кузмин не предпринимал. Представляется, что факт организации «матросов» именно в пореволюционное время можно объяснить интенсификацией групповой жизни, в том числе созданием многочисленных пореволюционных полуофициальных художественных союзов и групп. На весну 1917 г. приходится сразу несколько групповых предприятий, в которых Кузмин принимает участие: став членом Союза деятелей искусств в начале марта, уже в конце месяца он входит в выделившееся в Союзе художественное общество «Искусство. Революция» [10, т. 2, кн. 1, с. 19]. В первой половине апреля Кузмин и Юркун организовали общество «Фелана» [10, т. 2, кн. 1, с. 20, 656]¹⁸, от имени которого они вошли в «литературную курию» в Союзе деятелей искусств и в «Блок левых» (от «матросов» в нем представительствовал Деген). Вступление в группу «матросов» встраивалось в череду попыток Кузмина присоединиться к пофевральской деятельности: в пикку союзам и куриям (и организационно внутри них) с их официальной, иерархичной структурой, Кузмин

¹⁸ Так же называлось издательство, под маркой которого в 1917 г. вышла книга Юркуна «Дурная компания». Вероятно, это был очередной кратковременный проект Кузмина и Юркуна, прекратившийся именно вследствие сближения с «матросами».

хотел создать собственный кружок «любящих и ценящих друг друга людей».

Загадочное название группы проясняется на фоне творчества и позиции Кузмина 1917 г. На связь названия со стихотворением Е.А. Баратынского «Пироскаф» впервые указал Р.Д. Тименчик, подчеркнув, что Баратынский «занимал почетное место в пантеоне» поколения Дегена и Бамдаса [21, с. 321]. «Марсельские матросы» ведут пироскаф сквозь бурное море к «Элизию земному» и символизируют надежды на новую жизнь: «...Много мятежных решил я вопросов, / Прежде, чем руки марсельских матросов / Подняли якорь, надежды символ!» [6, т. 3, ч. 1, с. 133]. Однако эта связь, хотя и подкрепляется прямым использованием цитат из «Пироскафа» в произведениях «матросов»¹⁹, не объясняет актуализации этого названия в конкретных историко-литературных условиях.

Для ответа на вопрос, почему группа назвалась именно так, нужно обратиться к тексту, который Кузмин планировал опубликовать в книгоиздательстве «Марсельских матросов» отдельной книгой в количестве 75 нумерованных экземпляров с иллюстрациями художника В.В. Дмитриева [14, с. 528]. Это большое стихотворение «Враждебное море», имеющее авторское жанровое определение «ода» и написанное в апреле 1917 г. — параллельно началу собраний группы. «Враждебное море» привлекает внимание не только повторением морской темы, но и одним из центральных образов — «корабельщики-братьев», сражающихся с необузданным «враждебным морем»:

Оттуда несется глухо,
ветра глуше:
— Корабельщики-братья, взроет
хмурое брюхо,
где урчит прибой и отбой! [12, с. 333]

Как мы показали выше, структура «команды корабля» разгрыбалась в «матросских» стихах, однако немаловажным для этой

¹⁹ Стихотворение Бамдаса «Прощай навсегда контора» явно ориентируется на «Пироскаф», повторяя его композицию, но представляя лирический сюжет с точки зрения матроса, а не путешественника. Бамдас переносит в свое стихотворение деталь — птицу: «Наедине мы с морскими волнами; / Только что чайка вьётся за нами / Белая, рея меж вод и небес» [6, т. 3, ч. 1, с. 133], у Бамдаса — «Над палубой вьется птица, / Минутами еле видна» [1, с. 7]. Примечательны финальные строки у Баратынского: «Завтра увижу я башни Ливурны, / Завтра увижу Элизий земной» [6, т. 3, ч. 1, с. 134], и их «сниженный» вариант у Бамдаса: «А как загуляем, приятель, / Когда придем в Марсель!» [1, с. 8].

игры был мотив плавания, выдвижения в путь: см. стихотворение Бамдаса «Прощай навсегда, контора...», песенку Дегена: «...заскрипели канаты. / песенку запели, / двинулось с середины апреля» [9, с. 18], песенку Кузмина: «Всякий весел, всякий горд, / Кто вступил в Марсельский порт / И в команду к нам попал...» [13, с. 74]. Образ моряка неоднократно появляется в стихотворениях Кузмина 1917 г., например, в тексте «Мореход на суше» (май 1917), в котором представлена точка зрения мореплавателя, смущенного находжением в несвойственной ему обстановке: «И только снится иногда / Шатанье накрененных палуб: / Ведь путевых не надо жалоб, / Коль суша под ногой тверда» [12, с. 422]²⁰. «Море» в стихотворениях этого периода чаще всего символизирует стихию, с которой человек отважно вступает в противоборство, а за метафорой «отплытия» скрывалось погружение в нее и готовность ей противостоять²¹.

Образ «матросов» является своеобразным вариантом «корабельщиков-братьев». В свою очередь мотив «братства» стал центральным для «революционной» лирики Кузмина, отразив его позицию: с братством, которое обещала революция, он связывал надежды на прекращение мировой войны, противопоставив порыв единения — порыву стихии. Так, именно братание образует композиционный стержень стихотворения «Русская революция» — в основу его сюжета лег отказ солдат стрелять друг в друга: «Двинулись казаки. / “Они отказались... стрелять не будут!..” — / Шипят с поднятыми воротниками шпики» [12, с. 630]; «братскому» отношению солдат конфликтующих сторон посвящено стихотворение «Волынский полк», а личному, эмоциональному переживанию революции как момента единения — «Не знаю, душа ли, тело ли...». Одновременно нельзя отрицать и гомосексуальные коннотации образа «брата», на что указывает личная кузминская традиция — в его стихотворениях «братское чувство» почти всегда выступает субститутутом любовной или эротической связи: «Умывались, одевались, / После ночи целовались, <...> Будто с гостем, будто с *братом*, / Пили чай, не снявши маск» (из цикла «Любовь этого лета», июнь–август 1906) [12, с. 61]. В этом измерении образ «матросов» (подкрепленный семантикой

²⁰ Анализ стихотворения см.: [15].

²¹ Появившаяся в предисловии Кузмина к «Предрассветному ветру» проекция Бамдаса на Рембо призывает еще один возможный контекст образа «матросов» — «Пьяный корабль» Рембо: «И шторм благословил морские мне тревоги / Я пробкой танцевал средь бешеных зыбей / Бродяга, проходил безумные дороги / Все десять злых ночей под жустью фонарей» (пер. С. Боброва, 1910). Неуправляемое плавание корабля выступает метафорой существования в революционном времени.

демонстративной маскулинности) также несет гомосексуальный оттенок.

Тесный кружок «Марсельских матросов» выступил жизненной проекцией «братства» — тесно связанных друг с другом мужчин, своими узами и своим творчеством противостоящих бурному времени. Создание объединения, таким образом, преследовало вполне жизнотворческую цель — не только влиться в революционный поток, но и сохранить в нем узы дружбы и взаимного уважения, поддерживая групповой принцип, который особенно ценил Кузмин.

Последнее наблюдение, которое можно вынести из скупого фактографического материала о деятельности «матросов», — возможный смысл прилагательного «марсельские». Помимо биографического контекста, в который эта локация попадает в «Пироскафе», Марсель становится неким пространством «инаковости», уход в которое позволяет матросам не оглядываться на события произошедшей революции и не отражать ее в своем творчестве. Попытка символического удаления от реальности симптоматична: после стихотворений о революции, появившихся в печати в марте–апреле 1917 г., Кузмин быстро охладевает к насущным проблемам общества. Его творчество второй половины революционного года характеризуется постепенно увеличивающимся интересом к «отвлеченным» темам: гностическим (осенью 1917 г. создается большая часть стихотворений из цикла «София. Гностические стихотворения») и эротическим (тогда же задуманы «Занавешенные картинки»). Метафорическое отплытие команды матросов может трактоваться и как отход от актуального, политизированного контекста — в область чистого искусства, автономного от любых требований, то есть того, за которое всегда ратовал Кузмин.

Так не слишком значительный проект 1917 г. вбирает в себя сразу несколько смыслов, позволяя уточнить отношение Кузмина к литературным группам, рассмотреть репутацию Кузмина в 1917 г. и вскрыть символическое значение этого союза: предчувствуя бурные годы, писатель стремился подобрать себе команду единомышленников. Быстро прекратившаяся деятельность «матросов» не дала развиваться заложенным в объединение возможностям; к концу года «матросы», вероятно, были уже неинтересны Кузмину. Позволим себе на мгновение воскресить игривый характер объединения и заметить, что выражение «поматросить и бросить» едва ли найдет в истории русской литературы более удачное приложение.

Литература

1. *Бамдас М.* Голубь: Вторая книга стихов. Пг.: Кн-во «Марсельских матросов», 1918. 22 с.
2. *Бамдас М.* Предраассветный ветер: Стихи. Пг.: Кн-во «Марсельских матросов», 1917. 46 с.
3. *Богомолов Н.А.* Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 1995. 367 с.
4. *Богомолов Н.А.* Несколько слов к читателю // Бамдас М. Надежды символ: Стихи из дневников 1915–1958 гг. М.: Рудомино, 1994. С. 3–6.
5. *Богомолов Н.А., Малмстад Дж.Э.* Михаил Кузмин. М.: Молодая гвардия, 2013. 393 с.
6. *Боратынский Е.А.* Полн. собр. соч. и писем. М.: Языки славянской культуры, 2002–.
7. *Гумилев Н.С.* Письма о русской поэзии / сост., вступ. статья Г.М. Фридендера; подг. текста и коммент. Р. Д. Тименчика. М.: Современник, 1990. 383 с.
8. *Деген Ю.* Оттепель: Поэма. Тифлис: Куранты, 1920. 14 с.
9. *Деген Ю.* Поэма о солнце. [Тифлис: Б.м.,] 1918. 20 с.
10. *Крусанов А.В.* Русский авангард 1907–1932: Исторический обзор: в 3 т. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
11. *Кузмин М.А.* Проза и эссеистика: в 3 т. / сост. и коммент. Е.Г. Домогацкой, Е.А. Певак; вступ. статья Е.А. Певак. М.: Аграф, 2000. Т. 3: Эссеистика, критика. 768 с.
12. *Кузмин М.А.* Стихотворения / вступ. статья, сост., подг. текста и примеч. Н.А. Богомолова, СПб.: Академический проект, 1996. 832 с.
13. *Кузмин М.А.* Стихотворения. Из переписки / сост., подг. текста и примеч. Н.А. Богомолова. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. 490 с.
14. *Лавров А.В., Тименчик Р.Д.* Комментарии // Кузмин М. Избранные произведения. Л.: Худож. лит., 1990. С. 500–562.
15. *Николаенко В.В.* Как мореход оказался на суше (О границах интертекстуального метода) // Михаил Кузмин: Литературная судьба и художественная среда / под ред. П.В. Дмитриева и А.В. Лаврова. СПб.: Реноме, 2015. С. 113–118.
16. *Никольская Т.Л.* «Фантастический город»: Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921). М.: Пятая страна, 2000. 192 с.
17. *Никольская Т.Л.* Рецепция творчества М. Кузмина в независимой Грузии // Михаил Кузмин: Литературная судьба и художественная среда / под ред. П.В. Дмитриева и А.В. Лаврова. СПб.: Реноме, 2015. С. 271–279.
18. *Никольская Т.Л.* Юрий Деген // Russian Literature. 1988. Vol. XXIII. С. 101–112.
19. *Никольская Т.Л., Богомолов Н.А.* Юрий Деген // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М.: Науч.-внедренч. предприятие «Финанит»; Большая рос. энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 92–93.
20. *Пахомова А.С.* Поэтика и риторика «революционных» стихов Михаила Кузмина // Русская филология. 2020. Вып. 31. С. 204–219.
21. *Тименчик Р.Д.* По поводу Антологии петербургской поэзии эпохи акмеизма // Russian Literature. 1977. Vol. 5. № 4. С. 315–323.
22. *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 440 с.

Whither drifted “The Sailors of Marseilles” in 1917?

© 2021, Aleksandra S. Pakhomova

University of Tartu, Tartu, Estonia

Abstract: The article analyzes the history of lesser-known literary union “The Sailors of Marseilles” that existed in Petrograd in 1917. Mikhail Kuzmin was the central figure and the most popular writer in this union. Other “sailors” were young poets who wanted to reach out the audience and to get the opportunity for publication. Until now, this union has not been studied in the context of Kuzmin’s oeuvre, literary reputation and author’s strategies. Some conclusions have been made in the process of our research. First of all, Kuzmin’s attitude to literary unions has been specified. As we can see, he considered literary groups as a commonwealth of independent authors exploiting shared writing technics. On the other hand, he did not approve ideological unification within such unions. Denying hierarchy in literary groups, Kuzmin strove to create a literary union on an equal footing. He emphasized the individuality of each “sailor” to create to make it real, but in fact, this union was just adopting Kuzmin’s techniques, i.e., it followed the authoritative model. It should be mentioned, that the organization of the group was also the Kuzmin’s endeavour to assert his literary reputation that was in decline during 1917. Moreover, the whole concept of “The Sailors of Marseilles” was carried in accordance with the nautical symbolics developed by Kuzmin in 1917. *The sea* was the sign of power and war, and *the sailors* were the image of fraternity capable to contradict this power. “The Sailors of Marseilles” in the final count can be considered as creative-life Kuzmin’s project.

Keywords: Mikhail Kuzmin, “The Sailors of Marseilles”, literary union, literary reputation, Yuri Degen, Moisey Bamdas.

Information about the author: Aleksandra Pakhomova, PhD-student at the University of Tartu, Ülikooli 18, 50090, Tartu, Estonia. ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-2145-754X>. E-mail: aleks.pakhomova@gmail.com.

For citation: Pakhomova, A. “Whither drifted ‘The Sailors of Marseilles’ in 1917?”, *Literaturnyi fakt*, no 1 (19), 2021, pp. 181–199. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-181-199>

References

1. Bamdas, M. *Golub': Vtoraia kniga stikhov [Dove. The Second Book of Poems]*. Petrograd, Marsel'skie Matrosy Publ., 1918. 22 p. (In Russ.)
2. Bamdas, M. *Prekrassvetnyi veter: Stikhi [The Pre-Dawn Wind. Poems]*. Petrograd, Marsel'skie Matrosy Publ., 1917. 46 p. (In Russ.)
3. Bogomolov, N.A. *Mikhail Kuzmin: Stat'i i materialy [Mikhail Kuzmin. Articles and Materials]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1995. 367 p. (In Russ.)
4. Bogomolov, N.A. “Neskol'ko slov k chitateliu” [“A Few Words to the Reader”]. Bamdas, M. *Nadezhdy simbol: Stikhi iz dnevnikov 1915–1958 gg. [The Symbol of a Hope. Poems from Diaries of 1915–1958]*. Moscow, Pudomino Publ., 1994, pp. 3–6. (In Russ.)
5. Bogomolov, N.A., Malmstad, Dzh.E. *Mikhail Kuzmin [Mikhail Kuzmin]*. Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 2013. 393 p. (In Russ.)

6. Boratynskii, E.A. *Poln. sobr. soch. i pisem* [Complete Works and Correspondence]. Moscow, Yazyki Slavyanskoj Kyltury Publ., 2002. (In Russ.)
7. Gumilev, N.S. *Pis'ma o russkoi poezii* [Letters about Russian Poetry], comp. by G.M. Fridlender and R.D. Timenchik, introd. by G.M. Fridlender, ed., comm. by R.D. Timenchik. Moscow, Sovremennik Publ., 1990. 383 p. (In Russ.)
8. Degen, Iu. *Ottepel': Poema* [The Thaw. Poem]. Tiflis, Kyranty Publ., 1920. 14 p. (In Russ.)
9. Degen, Iu. *Poema o sontse* [The Poem about the Sun]. [Tiflis, n.p., 1918. 20 p. (In Russ.)
10. Krusanov, A.V. *Russkii avangard 1907–1932: Istoricheskii obzor: v 3 t.* [Russian Avant-Gard. The Historical Overview: in 3 vols.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003. (In Russ.)
11. Kuzmin, M.A. *Proza i esseistika: v 3 t.* [Prose and Essays in 3 vols.], vol. 3, comp., comment. by E.G. Domogatskaya, E.A. Pevak, introd. by E.A. Pevak. Moscow, Agraph Publ., 2000. 768 p. (In Russ.)
12. Kuzmin, M.A. *Stikhotvoreniia* [Poems], ed. by N.A. Bogomolov. St. Petersburg, Akademicheskij Proekt Publ., 1996. 832 p. (In Russ.)
13. Kuzmin, M.A. *Stikhotvoreniia. Iz perepiski* [Poems. From the Correspondence], ed. by N.A. Bogomolov. Moscow, Progress-Pleyada Publ., 2006. 490 p. (In Russ.)
14. Lavrov, A.V., Timenchik, R.D. “Kommentarii” [“Comments”]. Kuzmin M. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Works]. Leningrad, Khudozhesvennaya literature Publ., 1990, pp. 500–562. (In Russ.)
15. Nikolaenko, V.V. “Kak morekhod okazalsia na sushe (O granitsakh intertekstual'nogo metoda)” [“How the Sailor Ended Up on Land (The Boundaries of the Intertextual Method)”]. *Mikhail Kuzmin: Literaturnaia sud'ba i khudozhestvennaia sreda* [Mikhail Kuzmin: Literary Fate and Artistic Environment], ed. by P.V. Dmitriev, A.V. Lavrov. St. Petersburg, Renome Publ., 2015, pp. 113–118. (In Russ.)
16. Nikol'skaia, T.L. “Fantasticheskii gorod”: *Russkaia kul'turnaia zhizn' v Tbilisi (1917–1921)* [“Fantastic city”: Russian Cultural Life in Tbilisi, 1917–1921]. Moscow, Pyataya strana Publ., 2000. 192 p. (In Russ.)
17. Nikol'skaia, T.L. “Retseptsiiia tvorchestva M. Kuzmina v nezavisimoi Gruzii” [“Reception of Mikhail Kuzmin's Works in Independent Georgia”]. *Mikhail Kuzmin: Literaturnaia sud'ba i khudozhestvennaia sreda* [Mikhail Kuzmin: Literary Fate and Artistic Environment], ed. by P.V. Dmitriev, A.V. Lavrov. St. Petersburg, Renome Publ., 2015, pp. 271–279. (In Russ.)
18. Nikol'skaia, T.L. “Iurii Degen”. *Russian Literature*, vol. XXIII, 1988, pp. 101–112. (In Russ.)
19. Nikol'skaia, T.L., Bogomolov, N.A. “Iurii Degen”. *Russkie pisateli 1800–1917* [Russian writers, 1800–1917], vol. 2. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 1992, pp. 92–93. (In Russ.)
20. Pakhomova, A.S. “Poetika i ritorika ‘revoliutsionnykh’ stikhov Mikhaila Kuzmina” [“Poetics and rhetoric of ‘revolutionary’ poems by Mikhail Kuzmin”]. *Russkaia filologiia*, no. 31, 2020, pp. 204–219. (In Russ.)
21. Timenchik, R. “Po povodu Antologii peterburgskoi poezii epokhi akmeizma” [“On the Anthology of St. Petersburg Poetry of the Acmeism Era”]. *Russian Literature*, vol. 5, no. 4, 1977, pp. 315–323. (In Russ.)
22. Shrubu, M. *Literaturnye ob'edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'* [Literary associations of Moscow and St. Petersburg in 1890–1917: Dictionary]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 440 p. (In Russ.)